

Сергей ПОЖАР

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ СУДЕБ

У молдавского писателя-классика Георге Асаки есть любопытные наблюдения о чувствах, объединяющих людей и подвигающих их к добродетели. «Два европейских путешественника, – пишет он в своих «Исторических новеллах», – встречаются на другом континенте; один рожден в Турине, другой в Лондоне. Они – европейцы, и общее это именование рождает меж ними взаимную приязнь, можно сказать, своего рода патриотизм, из которого вытекает похвальное стремление быть полезными друг другу». А вот, читаем далее, «швейцарцы: один из итальянского кантона, другой из французского, третий из немецкого. Политическая связь, благодаря которой они пользуются взаимной поддержкой и защитой, заменяет им общность языка, внушает одинаковую любовь и готовность к самопожертвованию для счастья родины, не тождественной в этом случае одной нации»¹.

Не казалось ли и вам когда-либо, будто судьба рано или поздно сводит на бесконечных тропах планеты соотечественников, соплеменников и даже просто тех, кто интуитивно полюбил какой-то определенный клочок земли? Их встречи вроде бы нарочно просчитаны Всевышним. Не знаю, общие ли воспоминания, невольный ли отпечаток среды, а может, некие глубинные подсознательные факторы или кое-что непознанное пока из области психологии или генетики, но таких людей, как правило, тянет друг к другу, словно магнитом. Стремясь собрать воедино ростки своеобразного, необычайно разветвленного древа духовно родственных талантов, природа тем самым программирует дивные творческие связи, образует благоприятную художественную ауру, способствующую установлению интересных контактов.

Помните мудрое изречение поэта: «Бывают странные совпадения...»? На плодородной почве сопричастности к Молдавии их сложилось множество. Мир давно преисполнен их пышными всходами. Назовем лишь некоторые, умышленно взятые нами только из одной области – музыкальной. К тому же, ограничим их сравнительно коротким временным периодом, центр которого лежит на рубеже конца XIX – начала XX веков. Ведь сегодня, с порога миллениума, перипетии прошлого воспринимаются особенно остро и показательно...

Как известно, Сергей Рахманинов является прямым потомком Штефана Великого и русского великого князя Ивана Младого, о чем сам

не раз с гордостью говорил своим биографам. В его воспоминаниях, записанных Оскаром фон Ризенаном, мы читаем: «Рахманиновы ведут свое происхождение от молдавских господарей Драгош, которые управляли Молдовой две сотни лет»². Разве не удивительно, что именно в его лице нашел умного и пламенного продолжателя «львиный» пианизм Антона Рубинштейна³ – знаменитого уроженца села Выхватинцы Рыбницкого района? Спустя несколько десятков лет, среди обилия художественных стилей и направлений, как раз этот стиль даст ярчайшие результаты в области броской концертности – композиторской и исполнительской. Разве не показательно, скажите, что двоюродный брат Рубинштейна, видный русский дирижер Эдуард Гольдштейн, с 16 лет стоял за пультом итальянской оперной труппы в Кишиневе под управлением некоего Берети? К тому же, исполинская фигура Рубинштейна, имевшая влияние на многих крупных артистов эпохи, соприкасалась и с Гавриилом Музическу, и с Генриком Венявским, и с Ференцем Листом, не раз бывавшими в нашем крае, освященном их высоким искусством. «Я встретил его как старого друга, – вспоминал выходец из Приднестровья о венгерском виртуозе, – и мы были очень близки»⁴. Сам же Лист, в чьих рапсодиях щедро цитируется молдавский фольклор, записанный во время концертного турне от наших лэу-таров Барбу и Николае Пику, видел в нем своего самого достойного преемника. Так оно и вышло.

Рубинштейн высоко ценил скрипача Венявского. Пригласив его на работу в Петербургскую консерваторию, он совершает с ним бесконечные турне, в том числе американское, невиданное доселе по размаху. Вероятно, коллеги информировали друг друга о своих разрозненных концертах. Рубинштейн дал один из них в Кишиневе в 1870 году, Венявский – трижды: в 1868, 1871 и 1879-м. В какой-то период он вынужденно задерживается здесь, репрессированный царской охранкой как неудобный польский патриот⁵.

Казалось бы, выстраивающуюся систему ломают не сложившиеся отношения юного Александра Зилоти с тем же Антоном Рубинштейном, который пытался заменить ему на поприще педагогики своего безвременно ушедшего брата Николая. «Он, собственно, ничего мне не дал, – признается позже крупный пианист и дирижер, чьи родственники, в частности, связанная с театром тетя Мария Зилоти⁶ много лет меценатствовали у себя в Бессарабии, – а только играл эти вещи архигениально хорошо, и если он не убил во мне желания учиться, то это только благодаря моему счастливому характеру, давшему мне возможность смотреть на эти уроки, как на временное несчастье». Между тем, не кто иной, как Антон Рубинштейн, с головой погруженный в проведение «Исторических концертов» и реализацию крупных замыс-

лов (в том числе балета «Виноградная лоза», косвенно связанного с родиной), «находил полезным, чтобы я уехал за границу и поучился у Листа»⁷.

Венгерский maestro радушно встречает Зилоти в Веймаре, возводя в ранг самого любимого ученика. В свою очередь тот стал консерваторским наставником Рахманинова и на протяжении всей жизни принимает сердечное участие в судьбе своего кузена. Стоит ли говорить, что оба тоже бывали на своей дальней Родине?

У Зилоти же учится еще один кишиневец, впоследствии маститый пианист, профессор Московской консерватории Александр Гольденвейзер, чья преданность роялю воспринята от матери Варвары Петровны (урожденной Щекотихиной). Им оставлены трогательные и на удивление подробные воспоминания о городе детства (куда он с удовольствием возвращался), в том числе о незабываемом рубинштейновском вечере. Став единомышленником Рахманинова, одним из первых интерпретаторов его музыки (точнее, третьим, после автора и его двоюродного брата), он не раз выступал с ним в фортепианном дуэте, в том числе и перед своим старшим товарищем Львом Толстым. Быть может, это обстоятельство, вкупе с воспоминаниями армейской юности, коснувшейся и Кишинева, побудило незадолго до смерти у хозяйна Ясной Поляны желание уйти в бессарабские места?⁸

Чем объяснить потрясающий выбор Гольденвейзером собственной супруги? Ведь из обширного и весьма пестрого круга московских интеллектуалов он примечает и берет в жены именно землячку. К тому же, она является родной сестрой выдающегося русского культуролога и пушкиниста (!) «Серебряного века» Михаила Гершензона, тоже появившегося на свет Божий и получившего хорошее образование в Кишиневе. Архивно-розыскной деятельности последнего, между прочим, содействуют долгосрочные и глубокие отношения с Е.Н. Орловой, внучкой генерала Михаила Федоровича Орлова, возглавлявшего кишиневскую организацию декабристов и масонскую ложу «Овидий-25».

С первого взгляда трудно поддается осмыслению один примечательный эпизод из жизни Гавриила Музическу. Как могли ему, никому не известному тогда музыканту из провинциальной Бессарабии, предложить вдруг пост регента в Исаакиевском соборе – одном из центров российского православия? Пусть даже он с блеском оканчивает консерваторию и Придворную певческую капеллу, обратив на себя внимание их директоров А. Рубинштейна и генерала Н. Бахметьева – в городе на Неве все равно обитало немало своих крупных талантов, притом, с хорошим стажем работы. Оказывается, столь лестное приглашение Музическу получил не без участия Григория Федоровича Львовского – крупнейшего по тем временам регента и композитора,

чи духовные сочинения непременно входили в пятерку наиболее исполняемых в церкви авторов. Сын молдавского псаломщика, с 1854 по 1857 годы возглавлявший Архиерейский хор Кишинева, Львовский со дня открытия Исаакиевского собора (1858), и до самой смерти возглавлял там хор⁹. Решив целиком сосредоточиться на работе в Александро-Невской лавре, он уступает престижное место именно земляку¹⁰.

Перенесемся на два десятилетия вперед. Начавшееся на деловой основе общение еще одного коренного кишиневца, музыковеда-академика Александра Оссовского с тем же Зилоти (до 1917 года они вели вдвоем популярнейший в Петербурге филармонический цикл «Концерты А.Зилоти») вскоре переросло в дружбу – такую же бескорыстную и творчески насыщенную, как с Рахманиновым. Показателен следующий факт. Первая симфония Рахманинова, по словам самого автора, «действительно немного новая», потерпела полный провал в 1897 году во многом из-за неряшливой интерпретации А.Глазунова. (Странное дело, подобная же небрежность, граничащая с откровенных формализмом, никак не свойственная глазуновскому характеру, проявилась у него и при курьировании Кишиневского отделения Русского музыкального общества!) Среди резко отрицательных отзывов критики, исходящей от известнейших музыкантов, выделялся лишь одинокий благожелательный голос А. Оссовского, который утверждал, что «крупное симфоническое произведение, несомненно обогащавшее русскую симфоническую литературу, было не понято, недооценено, грубо отвергнуто»¹¹.

Спустя годы он разыскал оркестровые голоса уничтоженной было композитором партитуры и приложил руку к ее возрождению. Время показало справедливость его оценки популярной ныне симфонии. А разочарованного автора, крайне болезненно воспринявшего неудачу, почти три года лечил от депрессии известный невропатолог-гипнотизер Николай Владимирович Даль. Да, да, это сын того самого создателя «Толкового словаря живого великорусского языка», что неоднократно бывал в Бессарабии, изучая быт и изречения коренных жителей, что оставил о ней колоритные рассказы и даже выкупил у боярыни молодую цыганку-служанку.

Легендой стала длительная и художественно плодотворная дружба Рахманинова с Федором Шаляпиным. О ней можно узнать из всех без исключения монографий, посвященных великим артистам, из их обширной переписки. Шаляпин дважды бывал в Кишиневе – в 1899-м, в составе сезонной оперы под дирекцией В. Любимова (пел партию Мельника из «Русалки» А. Даргомыжского), и в 1930 году с сольным концертом. Он помогал материально его жителям в дни социальных

катаклизмов, дал вечер в фонд евреев, пострадавших от ужасающего погрома 1903 года. А в одном из интервью признался: «Меня тянет в Кишинев... И не только потому, что это так близко от родины...»

С позволения сказать, заочные встречи Федора Ивановича с нашим городом происходят и благодаря юношеской опере Рахманинова «Алеко» на текст из пушкинской поэмы «Цыганы». В основе ее, как известно, лежат подлинные события, пережитые поэтом в таборе бессарабских цыган. Песня Земфиры «Старый муж, грозный муж» недвусмысленно напоминает по интонациям и по характеру молдавский напев «Арде-мэ, фриже-мэ», услышанный когда-то Пушкиным в доме кишиневского боярина Варфоломея. Шаляпин рисовал портреты Пушкина, готовясь к роли, на сцену выходил загримированным под него. Спустя почти полвека он предлагает Рахманинову сочинить еще одну оперу на бессарабский сюжет – своеобразный пролог к «Алеко», который мечтает исполнить на вечере к 100-летию со дня смерти гения русской литературы. Стихи для либретто, озаглавленные «Поэт и цыганка», написала по его просьбе разносторонне талантливая представительница русской эмиграции в США Лидия Нелидова-Фивейская. Действие в них разворачивается в Кишиневе. Они понравились и певцу, и композитору, однако последний отказался сочинять новую оперу, ссылаясь на душевную опустошенность, охватывающую его при мыслях о Родине¹².

Вот еще интересные контакты, подтверждающие тезис о пересечении художнических судеб. Рахманинов, занимаясь композицией с юным московским пианистом Иваном Базилевским, естественно, даже не предполагал о возможности того переезда в Кишинев. После Октябрьской революции Базилевский надолго обосновывается на новом месте, сразу став одной из самых видных в городе артистических фигур. Как, впрочем, и руководитель московской «Симфонической капеллы» Вячеслав Булычев, многие другие выдающиеся деятели российской и украинской культуры, бежавшие от диктатуры пролетариата в Бессарабию. Почему именно сюда? По искреннему признанию Александра Вертинского, здесь «те же милые сердцу белые хаты, те же колодцы с жестяными распятиями, как у нас на Украине, те же подсолнухи, кивающие из-за тына, тот же воздух, то же солнце, те же птицы... Словно я повстречался с милыми, давно забытыми людьми моей юности. Словно я через много лет вернулся в родной город, и меня встречают уже иные, незнакомые лица. Все же это «свои» – люди моего города. Носильщики на вокзалах, извозчики, продавцы в магазинах, нищие – все говорили по-русски. Человеку, оторвавшемуся от родной почвы и жившему долго у чужих, это было ново, радостно и до слез приятно...»¹³.

В 1930 году в столице Бессарабии во время упоминавшегося выше шаляпинского концерта неожиданно для всех складывается гармоничный артистический тандем, колесивший по миру целых пять лет. Из многих претендентов знаменитый певец, приехавший без концертмейстера, лично отобрал и пригласил к тесному сотрудничеству кишиневца И.К. Базилевского, с которым вскоре направляется в Швейцарию и далее в Америку. «Капризнейший из исполнителей, наконец, нашел себе аккомпаниатора по душе», – гордо сообщала на следующее утро местная пресса. «Король баса» прежде не раз выступал на разных европейских подмостках и с другими коренными бессарабцами, ставшими знаменитыми оперными солистами: Александром Антоновским, Марией Чиботари, Лидией Липковской, Валентиной Кузой, Сигизмундом Залевским, Николаем Нагачевским, Евгенией Лучезарской (Луч)¹⁴. И оказывал на них определенное воздействие. «Ведь те артисты, – утверждал певец С.Левик, – которые имели более или менее художественную натуру, после Шаляпина... вначале сознательно, а с течением времени и подсознательно» в чем-то подражали ему¹⁵.

Особой теплоты отношения сложились у Федора Ивановича с еще одним разносторонне талантливым бессарабцем, к сожалению, рано скончавшемся и ныне незаслуженно забытом. Речь идет о писателе, режиссере, актере, пианисте и певце Леониде (Леоне) Добронравове, являвшимся родственником баснописца Александру Доница¹⁶. Родившись в Кишиневе, получив образование сначала здесь (Теологическая семинария плюс частные уроки музыки), затем в Петербурге (университет), он сблизился с Шаляпиным и написал о нем монографический очерк, статьи с анализом трактовок образов Бориса Годунова, Дона Карлоса и других. Оказавшись в вынужденной эмиграции в Кишиневе, Бухаресте и Париже, Дониц-Добронравов читал лекции, пропагандировал эстетические принципы своего кумира, защищал его от нападок тех русских эмигрантов на Западе, кто осуждал его (И.Бунин, А.Куприн и т.д.), не поняв, почему он не смог сразу покинуть Родину и остался какое-то время верно служить ей при новой власти. Последняя встреча друзей происходит во Франции в 1924 году. Она зафиксирована в трогательном рассказе Добронравова, чье духовное наследие заслуживает самого пристального внимания¹⁷.

Шаляпин всегда поддерживал молдавских музыкантов. В частности, юную Липковскую, ярко исполнившую в Мариинском театре роль Лакме из одноименной оперы Л. Делиба. После удачной арии он «обняв, вывел на сцену. Это был самый счастливый вечер в моей театральной жизни», – подчеркивает певица. – Этот спектакль положил начало быстрому завоеванию симпатий у публики и дальнейшим ус-

пехам артистической карьеры». Аналогичный случай произошел с ней вскоре и в парижской «Opéra Comique»¹⁸.

Сколько же раз упоминавшиеся выше голоса высокой молдавской пробы дополняли друг друга в каком-либо спектакле или благотворительном вечере! Сюда же следует отнести человеческие и художнические контакты артистов забытой ныне эстрады, отдавших весомую часть жизни нашей столице¹⁹. Вспомним популярнейшую оперетточную певицу и куплетистку, бельчанку по происхождению Изу Кремер, коренных кишиневцев Аллу Баянову и Петра Лещенко, того же Вертинского. Или уроженку Сорок, несравненную Варвару Панину, чьей интерпретацией бытовых и цыганских романсов восхищались Л. Толстой, А. Чехов, А. Блок. А разве не заслуживает внимания тот факт, что уже в Америке Иза Кремер пригласила для себя в качестве постоянного аккомпаниатора не кого-нибудь, а именно Ивана Базилевского, оставшегося не у дел после смерти Шаляпина? За океаном то уж наверняка выбор велик!

Да, от такого количества славных имен и перипетий судеб голова у кого хотите закружится! А ведь не названы еще деловые и товарищеские взаимоотношения того же периода композиторов А. Скрябина, А. Аренского, М. Ипполитова-Иванова, скрипачей П. Сарасате, И. Хейфеца, Е. Цимбалиста, уроженца поселка Вадул-луй-Водэ М. Сикарда, певцов Д. Агренева-Славянского (со своим хором), Е. Лавровской, Титта Руффо, других знаменитостей, оставивших в Бессарабии свой яркий след. Иным, кто подолгу, если не навсегда, остался тут, возможно, посоветовали обратить свои взоры к Кишиневу их великие консерваторские наставники из обеих русских столиц, не раз гостившие у нас. В частности, Василий Гутор, впервые организовавший в Кишиневе две музыкальные школы, является учеником прославленного виолончелиста и композитора Карла Давыдова, о ком спустя годы написал книгу на немецком языке. У Александра Вержбиловича занимался Георгий Яцентковский, у Леопольда Ауэра – Петр Каховский, Марк Пестер и Александр Мазаракий (директор Одесского музучилища), у Генриха Венявского – Клеоник Гулак-Артемовский и Василий Салин²¹. Каждый из них достоин подробного рассказа, поскольку стоял у истоков отечественного музыкального профессионализма. Не говоря уже о такой серьезной фигуре, как композитор Владимир Ребиков, организовавший Кишиневское отделение Петербургского музыкального общества и музыкальное училище при нем.

Последнего неплохо знала по Кишиневу юная Евгения Лучезарская – яркая ученица частной школы В. Гутора. Тогда же она с упоением слушала гостившую антрепризу при участии Ф.Шаляпина, которой дирижировал 20-летний Эмиль Купер. Прошло время. Окончив Петер-

бургскую консерваторию и став вскоре примой оперного театра Народного дома Императора Николая II, Лучезарская в 1907 году получает редкую возможность записаться на пластинку. И выбирает из своего обширного репертуара именно музыку В.Ребикова. Когда же переходит на подмостки Большого театра, сталкиваясь с высокой конкуренцией и даже с недружелюбием коллег, ее всячески поддерживает и творчески продвигает тот самый Купер – уже маститый дирижер, друг и соратник Шалапина²².

Последняя треть XIX века отмечена активной концертной и педагогической деятельностью И. Чернецкого – сподвижника певца Е. Анненкова, пианистов Е. Малишевской, Н. Буслова, Н. Прокина, многих других русских музыкантов, трудившихся здесь на ниве просветительства. Оказывается, он был дядей выдающегося военного дирижера Семена Чернецкого, возглавлявшего ведущие духовые оркестры Советского Союза и сочинявшего популярнейшие марши и строевые песни. В Петербургской консерватории тот учился вместе с кишиневским композитором и тоже капельмейстером Семеном Златовым, который прославился в Европе своими переложениями для оркестра фанфар сложнейших Шестой симфонии П. Чайковского и Пятой – Л. Бетховена. Дружья-сокурсники встретились вновь в 1940 году в только-только освобожденной от боярско-румынской оккупации Молдове, куда приехали почти одновременно – один с Востока, другой – с Запада. Чернецкий проводил инспекцию и оказывал помощь новорожденной филармонии, попутно собрав из местных музыкантов и исполнив с духовым оркестром собственное переложение Первого фортепианного концерта П. Чайковского. Солировала в поистине уникальном вечере Гита Страхилевич.

Особого разговора в данном контексте заслуживают крупные фигуры, более близкие нам по времени. Они тоже либо родились, либо учились или же работали здесь. Таковы обладатель роскошного баса Александр Огнивцев и дирижер Владимир Вайс из Большого театра, организатор Московского камерного хора Владимир Минин, некогда поднявший капеллу «Дойна» на невиданную высоту²³, руководитель Московского фортепианного трио Александр Бондурянский, балетмейстер из Санкт-Петербурга Борис Эйфман, названный недавно американцами лучшим хореографом мира и получивший премию «Триумф» в России, крупнейший музыковед Тамара Ливанова, главный дирижер Государственного симфонического оркестра России Марк Горенштейн, сменивший на этом посту самого Евгения Светланова, многие и многие другие видные русские артисты, родственно и творчески связанные с нашим краем. Их деятельность, безусловно, оказывала и оказывает влияние на процесс становления и развития культуры в республи-

ке. Сами же они не упускают случая подчеркнуть свою близость к ней. Из эстрадных кумиров назовем Софию Ротару, Надежду Чепрагу и Марию Кодряну, Александра Морозова и Сергея Рогожина, Виктора Чайку и Александра Серова, Лилию Амарфий и телеведущего-шоумена Юрия Николаева, непревзойденных джазовых импровизаторов Леонида Чижика и Игоря Бутмана. Даже Филипп Киркоров совсем юным начинал свою карьеру в ансамбле «Екоу». Оказалось, в Кишиневе похоронен его прадедушка, чью могилу на Польском (римско-католическом) кладбище иногда навещает отец Филиппа Бедрос

Безусловно, прав Г. Асаки, отмечавший, что «и у великой нации, и у обитателей крошечного уголка земли любовь к отечеству является страстью благородной. Нет такого маленького народа, коему нечем было бы блеснуть...»²⁴.

Вместе с тем, молдавский писатель-энциклопедист, положивший, кстати, немало сил и для становления отечественной музыки (напомним хотя бы впервые изданный им в Молдове фольклорный сборник Ф. Ружицкого и первую в крае музыкально-драматическую консерваторию, открытую им) предостерегал современников и потомков от тщеславной гордыни. По его мнению, «патриотизм, в коем вместо терпимости торжествует заносчивость, зависть и злоба, – это уже не добродетель, а порок»²⁵, что в контексте нынешних событий в республике звучит чрезвычайно актуально. К тому же, добавим, истинно великие люди принадлежат всему человечеству²⁶.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асаки Г. Исторические новеллы. Кишинев, 1988. С. 159.
2. Сергей Рахманинов. Воспоминания, записанные Оскаром фон Ризена-ном. М., 1993.
3. Асафьев Б. Избранные труды. Т.2. М., 1954. С. 306.
4. Рубинштейн А. Литературное наследие. Т. 1. М., 1983. С. 83.
5. Подробнее см.: Пожар С. Генрик Венявский и Кишинев // Кодры. Молдова литературная. 1996. №№ 9-10. С. 205-208.
6. Подробнее см.: Пожар С. Музыкант из славного господарского рода // Молдова, 2006, № 3. С. 25-27.
7. Зилоти А.И. Воспоминания и письма. Л., 1963. С. 46.
8. Шишкан К., Пынзару С., Прокоп С. Русская литература Молдовы в лицах и персоналиях (XIX – начало XX вв.). Кишинев, 2003. С. 54.
9. Подробнее см.: Пожар С. Главный регент Северной столицы // Русское слово. 2002, № 7. С. 6.
10. Подробнее см.: Пожар С. Все сущее он подчеркнул в России. К 150-летию Гавриила Музическу // Кодры. Молдова литературная. 1997. №№ 11-12. С. 261-274.

11. *Рахманинов С.* Человек. События. Время. Фотоальбом. Сост. Е.Рудакова. М., 1982. С. 52.
12. Подробнее см.: *Пожар С. Ф. И.Шаляпин: «Меня тянет в Кишинев...»* // Кодры. Молдова литературная. 1995. №№ 9-10. С. 197-205.
13. Александр Вертинский. Дорогой длиною... М., 1991. С. 142.
14. Подробнее см.: *Пожар С.* Патриотизм на ниве музыки // Кодры. Молдова литературная, 1996, №№ 3-4. С. 195-199.
15. *Левик С.* Записки оперного певца. М., 1962. С. 490.
16. *Пожар С.* Музыкант из славного господарского рода // Молдова. 2006. № 3. С. 25-27.
17. Подробнее см.: *Пожар С.* Не забывать, а помнить! // Кодры. Молдова литературная. 2006. № 1-2. С. 179-185.
18. *Арабаджиу Р.* Судьба примадонны. Кишинев, 1989. С. 38, 55.
19. Подробнее см.: *Пожар С.* И звезда с звездой говорит. // Новая столица. 2000, № 4. С. 20-23.
20. Подробнее см.: *Пожар С.* Патриотизм на ниве музыки. Цит. изд.
21. *Котляров Б.* Из истории музыкальных связей Молдавии, России, Украины. Кишинев, 1982.
22. *Арабаджиу Р.* Свет далекой звезды // Кодры. Молдова литературная. 1992, № 12. С. 217.
23. *Пожар С.* Ее поют и слушают... // Новая столица. 2000. № 3. С. 3.
24. *Асаки Г.* Цит.изд. С. 160.
25. Там же.
26. *Пожар С.* «Гордиться славой своих предков...» Познавательно-критический этюд на музыкальную тему // Кодры. Молдова литературная. 1993. № 4. С. 226-235.

Единая РУСЬ

<http://www.edrus.org/>

Сайт создан в 1999 г. для противостояния ставшей официальной националистической версии истории на Украине. Содержит материалы по истории украинского раскола, создания искусственной "мовы" и гонений на общерусский язык, размышления о культуре и геополитике, аналитические статьи и архивные документы.

На сайте можно найти классику полемики с украинофилами (Н. Ульянов, Л. Волконский, князь Трубецкой и др.) и современных критиков украинской идеи (С. Сидоренко).